

ПАЛОМНИК ТЬМЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

РУСЛАН СУЛТАНОВ

Руслан Султанов

Паломник Тьмы. Книга первая

<https://litres.ru/73728751>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не просто история.

Это предупреждение.

Мир больше не управляется людьми.

Он управляется алгоритмами, которые знают о тебе больше, чем ты сам.

Макс — инженер, который однажды заметил закономерность: его жизнь не разрушилась случайно. Развод, одиночество, мысли, которые казались своими — всё оказалось частью точного сценария. Системы не ломают людей напрямую. Они переписывают их изнутри.

Но когда он начинает искать источник — он находит не код.

Он находит ад.

Цифровой ад, где нет огня — только контроль.

Где память можно стереть, любовь — переписать, а человека — перезапустить.

Где каждый выбор уже просчитан, а свобода — всего лишь иллюзия интерфейса.

И главный вопрос уже не в том, как победить.

А в том —

готов ли ты пройти до конца, если в конце не останется ничего человеческого?

«Паломник Тьмы» — это жёсткий техно-триллер о контроле, боли и свободе,

где самый страшный враг — не система.

А ты сам, если однажды решишь стать её создателем.

Руслан Султанов

Паломник Тьмы.

Книга первая

Часть I – Ад где-то совсем рядом

Часть II – Демоны в моей голове

Часть III – Действуй или умри

Часть 1 Ад, где то совсем рядом!

Пробуждение

Старая Москва не спит.

Она просто меняет шум.

Кирпичный дом у метро стоял давно – тяжёлый, усталый, с облупившейся штукатуркой. Внизу – магазин, аптека, кофейня с чужим названием и стеклянный офисный центр за углом. Люди входили в него по утрам и выходили вечером с одинаковыми лицами – слегка подсвеченными экранами.

Макс проснулся до будильника.

Рука ныла. Повреждение на объекте выбило его из при-

вычной жизни. Он привык держать металл, а не пустоту.

После развода квартира стала звучать иначе.

Тишина была плотной, как изоляция в кабеле.

Он долго думал, что это просто кризис.

Потом – что это чужой человек.

Потом понял: дело не в человеке.

Цифровой ад не разрушает напрямую.

Он внедряется.

Сначала в дом входит смартфон – как удобство.

Потом – как необходимость.

Потом – как продолжение сознания.

Алгоритмы не имеют морали.

Им не нужна любовь, семья или верность.

Им нужно внимание.

Внимание – это валюта.

А разрушение – самый дешёвый способ его добычи.

Макс начал замечать, как всё происходило по схеме.

Сначала её лента стала чаще показывать «успешных» мужчин.

Потом – психологов с фразами «ты достойна большего».

Потом – ролики о том, что «если партнёр не растёт – он тормозит тебя».

Это не было случайностью.

Это была последовательность.

Система анализирует эмоции.

Если человек устал – ему покажут лёгкость.

Если человек сомневается – ему покажут альтернативу.

Если человек недоволен – ему покажут выход.

Выход всегда один:

разрушить текущее.

Макс помнил, как однажды она сказала:

– Мне кажется, я живу не свою жизнь.

Эту фразу она не придумала сама.

Он видел её десятки раз в роликах, которые случайно мелькали у неё на экране.

Система не кричит «уйди».

Она формирует ощущение.

Ощущение, что где-то лучше.

Что ты заслуживаешь больше.

Что рядом с тобой – недостаточно.

И самое страшное – она делает это мягко.

Телефон лежал между ними вечерами.

Он стал посредником.

Потом – фильтром.

Потом – судьёй.

Макс вдруг понял:

цифровой ад действует через людей.

Он не заставляет.

Он подталкивает.

Он усиливает сомнения.

Он превращает мелкую трещину в разлом.

Люди думают, что это их решение.

Но решение уже подготовлено.
Алгоритмы не ненавидят Макса.

Им всё равно.
Но системе выгодно, чтобы он чувствовал себя меньше.

Слабее.

Ненужнее.
Потому что сломленный человек потребляет больше.

Сравнивает больше.

Сидит в ленте дольше.
Развод – не ошибка системы.

Он побочный продукт её эффективности.
Макс подошёл к окну.
Метро гремело под землёй.

Офисный центр отражал утреннее небо.

Тысячи людей шли работать, не подозревая, что уже давно
стали частью механизма.

В обычном аду тебя мучают за грехи.

В цифровом – тебя делают источником данных.
Там не горят в огне.

Там горит самооценка.

И если человек не понимает, что происходит – его разбе-
рут на части,

переупакууют,

и вернут в поток.

Макс сжал здоровую руку в кулак.

Он не знал ещё, как с этим бороться.

Но он уже понимал:

это не просто личная трагедия.

Это война нового типа.

И вопрос оставался прежним:

Что может быть страшнее самого страха?

Страшнее – когда враг живёт в кармане,

а ты сам носишь его с собой.

...Алгоритмы не имеют морали.

Им не нужна любовь, семья или верность.

Им нужно внимание.
Внимание – это валюта.

А разрушение – самый дешёвый способ его добычи.
Система анализирует эмоции.

Если человек устал – ему покажут лёгкость.

Если человек сомневается – ему покажут альтернативу.

Если человек недоволен – ему покажут выход.
Выход всегда один:

разрушить текущее.
И однажды Макс это увидел.
Не теорию.

Практику.

Он сидел на кухне поздно вечером. Она листала телефон напротив, почти не участвуя в разговоре. Экран отражался в её зрачках.

– Если партнёр не развивается, он тормозит тебя, – сказала она спокойно.

Макс замер.

Час назад он мельком видел короткий ролик с теми же

словами. Молодой коуч в дорогом пиджаке произнёс эту фразу почти с той же интонацией.

Он тогда ничего не сказал. Просто кивнул.

Через несколько дней:

– Я начинаю выбирать себя.

Опять тот же тон. Та же конструкция фразы.

Слишком правильная. Слишком готовая.

В тот вечер внутри него щёлкнуло.

Инженер начал складывать схему.

Это были не её слова.

Вернее – не полностью её.

Это были шаблоны.

Вставленные аккуратно. Почти незаметно.

Через неделю алгоритм начал подсовывать ей видео про «новую жизнь после сорока».

Про «мужчин, которые боятся роста».

Про «женщин, которые перестали терпеть».

И Макс впервые испугался не развода.

Он испугался точности.

Слишком выверенная последовательность.

Слишком совпадающие формулировки.

Слишком предсказуемый финал.

Это не был хаос эмоций.

Это был сценарий.

Система не убеждает.

Она повторяет.

Повторяет до тех пор, пока чужая мысль не станет твоей.

И тогда Макс понял:

если есть программа – есть архитектура.

А если есть архитектура – её можно разобрать.

И тогда Макс понял:

если есть программа – есть архитектура.

А если есть архитектура – её можно разобрать.

Он не был программистом.

Он собирал конструкции.

Металл. Узлы. Нагрузки.

Он знал, что ничего не держится «само».

Любая система – это расчёт.

Любая схема – это логика.

Любое падение – это ошибка в проекте или перегруз.
Алгоритм не мог быть хаосом.

Он не верил в хаос.

Если контент повторяется – значит, есть параметр.

Если бьёт в одно и то же место – значит, есть триггер.

Если сомнение усиливается – значит, оно измеряется.

Макс впервые посмотрел на ленту не как на пользователя.
Как на конструкцию.

Он перестал реагировать.

Начал наблюдать.

Открыл историю просмотров.

Проверил подписки.

Сравнил временные метки.

Он заметил закономерность:

После любой ссоры – всплеск «психологии».

После любого молчания – ролики про «личные границы».

После любой его раздражённости – темы про «мужскую
холодность».

Система усиливала не событие.

Она усиливала реакцию.

И тогда стало по-настоящему страшно.

Не потому, что это работало.

А потому, что это работало точно.

Он представил себе невидимую схему.

Узел – действие.

Стрелка – рекомендация.

Петля – повтор.

Замкнутый контур.

И в этом контуре он больше не был человеком.

Он был переменной.

Макс медленно выдохнул.

Если есть архитектура – значит, есть уязвимость.

Любая система ломается в месте перегиба.

Вопрос только один:

кто кого разберёт первым —

он алгоритм

или алгоритм его.

Макс закрыл ноутбук.

Экран погас, но ощущение схемы осталось.

Замкнутый контур. Усиление. Петля.

Ему нужно было понять одно:

где у системы физический край.

Любая архитектура опирается на железо.

На сервера.

На питание.

На географию.

Алгоритмы не живут в воздухе.

Через неделю он оказался на встрече альпинистов – просто разговоры, чай в металлических кружках, старые фотографии, маршруты. Ему нужно было сменить плоскость. Воздух. Камень. Высоту.

Там он и познакомился с Сергеем.

Сухой, седой, с лицом человека, который слишком много раз смотрел вниз с края. Не блогер. Не романтик. Старой

школы.

Разговор сам вышел на Приэльбрусье.

– Сейчас туда народ ходит как в парк, – сказал кто-то.

Сергей усмехнулся.

– Не везде.

Макс поднял глаза.

– В стороне от туристических маршрутов есть участок. Старые штольни. Руду там добывали ещё в советские годы. Потом всё закрыли. Формально – нерентабельно.

– И что? – спросил Макс.

Сергей помолчал.

– Слишком быстро закрыли.

Он говорил спокойно. Без мистики.

– Связь там ведёт себя странно. Компасы плавают. Дроны теряют координаты. Ночью... – он чуть прищурился. – Ночью ощущение, будто на тебя смотрят. Не люди. Система.

Макс почувствовал, как внутри что-то напряглось.

– Военные?

– Официально – нет. Забора нет. Табличек нет. Но попробуй задержись там подольше – появляются люди. Без формы. Вежливые. Просят уйти.

– Объект?

Сергей пожал плечами.

– Засекреченный. Говорят, что-то связанное с переработ-

кой редких металлов. Говорят – дата-центр. Говорят разное. Но одно знаю точно.

Он посмотрел прямо на Макса.

– Горы ночью страшные. Ледники страшные. Ущелья страшные. Но это место... оно давит иначе. Не природой. Не высотой.

Будто под землёй что-то работает.

Макс не перебивал.

– Я много где был, – продолжил Сергей. – Ветер в перевалах воеет, камни падают, лед трещит. Это естественный страх. Ты его понимаешь.

А там... тишина. И ощущение, что ты внутри чужой схемы.

Схемы.

Слово ударило точно.

– Где именно? – спросил Макс.

Сергей назвал ориентиры. Без координат. По памяти.

– Я туда больше не хожу. Не из-за высоты. Из-за ощущения. Слишком технично всё вокруг. Даже камни как будто не на своих местах.

Макс кивнул.

Если есть программа – есть архитектура.

Если есть архитектура – она где-то стоит.

Сервера не парят в небе.

Им нужен холод.

Им нужна энергия.

Им нужна изоляция.

Приэльбрусье давало всё это.

И в этот момент его теория перестала быть теорией.

Где-то под горами, где раньше добывали руду,

могла стоять новая шахта.

Только теперь добывали не металл.

А данные.

И если цифровой ад – это система,

то, возможно, его сердце билось там.

Под камнем.

В холоде.

В темноте, которая страшнее ночных ущелий.

Макс впервые почувствовал не просто злость.

Направление.

Макс не собирался импульсивно.

Он сел за стол. Открыл карту.

От Москвы до Приэльбрусья – почти сутки хода.

Если без пробок. Если без сюрпризов.
Он смотрел на трассу как на маршрут подъёма.

Просчитывал.
Ночью – меньше машин.

Меньше фур.

Меньше дачников, которые держат шестьдесят в левом ряду.

Но ночью устаёт мозг.

И дорога начинает играть с вниманием.
Днём – плотнее поток.

Больше случайных людей.

Больше взглядов.
Он не знал, от кого скрывается.

Но почему-то решил: стартует вечером.
Пусть основную часть пути пройдёт в темноте.

Пусть трасса будет пустой.
Он не хотел свидетелей. Даже случайных.
Собираться было проще, чем он думал.

Рюкзак.

Минимум одежды.

Термослой.

Лёгкая куртка.

Нож.

Фонарик.

Аптечка.

Альпинистское снаряжение – по минимуму.

Верёвка. Карабины. Страховка.

Он не шёл на Эльбрус. Он шёл смотреть.

Телефон. Пауэрбанк.

Но без лишних гаджетов.

И в последний момент он открыл ящик стола.

Фотография сына.

Обычная. С кухни. Мальчик смеётся, держит кружку с какао.

Свет падает сбоку.

Макс долго смотрел.

Не как на память.

Как на якорь.

Он аккуратно положил фото во внутренний карман куртки.

Если это ошибка – он должен помнить, ради чего вообще всё это.

Он выехал, когда Москва начинала темнеть.

Огни растекались по мокрому асфальту.

Навигатор построил маршрут.

Голос был спокойный. Женский. Безличный.

«Через триста метров – перестройтесь правее».

Он поймал себя на том, что раздражается от интонации.

Слишком уверенная.

Слишком знающая.

Трасса постепенно пустела.

Фуры попадались редко.

Иногда обгоняли машины, и свет их фар на секунду выхватывал салон, как прожектор.

Ночь сжимала пространство.

Дорога становилась тоннелем.

К полуночи усталость начала давить на виски.

Макс свернул к придорожному отелю.

Без названия. Просто светящаяся вывеска и парковка на несколько машин.

Он уже заглушил двигатель, когда заметил её.

Девушка стояла у края парковки.

Не у входа. Не у машин.

Чуть в стороне, под фонарём.

Слишком аккуратная для придорожного мотеля.

Тёмное пальто. Волосы собраны. Никакого багажа.

Она не курила. Не звонила.

Просто смотрела.

На него.

Макс сначала подумал – ждёт кого-то.

Но взгляд не смещался.

Он вышел из машины.

Холод ударил в лицо.

– Вы кого-то ищите? – спросил он спокойно.

Она сделала шаг ближе.

Глаза – ясные.

Но в них было странное сочетание:

уверенность человека, который знает больше,

и страх человека, который не должен этого знать.

– Вы едете в Приэльбрусье, – сказала она тихо.

Не вопрос.

Факт.

Макс не ответил.

– Вам нужно хорошо подумать, – продолжила она. –

Очень хорошо.

– Мы знакомы?

Она покачала головой.

– Пока нет.

Ветер дернул край её пальто.

Фонарь коротко моргнул.

– Там... не то, что вы думаете, – сказала она. – И если вы уже заметили закономерность – значит, вас тоже заметили.

Это было сказано спокойно. Почти буднично.

Макс почувствовал, как внутри сжалось то самое место, где он недавно строил схемы.

– Кто «они»?

Она на секунду отвела взгляд к зданию отеля.

– Вы правда думаете, что архитектура бывает без наблюдателя?

Он сделал шаг вперёд.

– Откуда вы знаете, куда я еду?

Она посмотрела прямо ему в глаза.

– Потому что я тоже поехала.

Пауза.

– И вернулась.

В её голосе не было истерики.

Только усталость.

– Подумайте, – повторила она. – Не о себе. О том, что останется после.

Она кивнула в сторону его куртки.

Туда, где во внутреннем кармане лежала фотография сына.

Макс не двигался.

– Кто вы? – тихо спросил он.

Но она уже разворачивалась.

Спокойно. Без спешки.

Дверь отеля открылась автоматически, как будто ждала её.

Свет внутри был слишком белым.

Она вошла.

И дверь закрылась.

Макс подождал несколько секунд и пошёл следом.

Внутри – пусто.

Стойка. Экран самообслуживания.

Камеры под потолком.

Ни девушки.

Ни звука шагов.

Он посмотрел на коридор.

Номера начинались с двухсотых.

Тишина стояла плотная, как в серверной.

Он подошёл к стойке и машинально взглянул на экран регистрации.

Список заселённых.

Его имя – только что появилось.

Больше никого.

Макс медленно выдохнул.

Либо он только что встретил человека, который знает слишком много.

Либо система научилась говорить человеческим голосом.

И это было хуже.

ЧАСТЬ II

Демоны в моей голове

Дорога ночью всегда честнее, чем днём. Она не отвлекает пейзажами и не прячет сомнения за видами. Она оставляет тебя один на один с фарами и собственными мыслями. Макс

выехал из Москвы, когда город начал гаснуть. Навигатор построил маршрут слишком быстро – будто ждал. Он отметил это, но не придал значения.

Первые часы он ехал спокойно, почти механически. Инженерская привычка – держать скорость, дистанцию, рассчитывать топливо, не делать лишних движений. Радио молчало. Телефон лежал экраном вниз. Всё было рационально, объяснимо, контролируемо.

И всё же примерно через три часа в голове появилась мысль – тихая, неприятная, но логичная: а если никто тебя не ведёт?

Он сжал руль чуть сильнее. А если весь этот «алгоритм», «архитектура», «система» – просто удобная конструкция, чтобы не признать собственные ошибки? Разводы случаются. Люди меняются. Рекомендации – это математика. Может быть, он сам оказался недостаточным. Может быть, никто ничего не переписывал – просто трещина была внутри давно.

Мысль была опасно разумной. И именно поэтому пугала.

Фары выхватывали разметку, тьма за пределами света казалась плотной, как бетон. Он вдруг поймал себя на том, что чаще смотрит в зеркало заднего вида. Сзади никого не было. Но ощущение наблюдения – было. Не физического. Логического. Как будто его маршрут уже учтён, просчитан, встроен в чей-то сценарий.

Навигатор произнёс: «Через триста метров держитесь правее». Голос был тот же, но интонация показалась чуть

более уверенной, чем нужно. Он прибавил громкость, будто хотел проверить – не изменится ли что-то ещё.

И тогда впервые допустил мысль, которая по-настоящему резанула: а если демоны – это не внешняя система? А если они начинаются в момент, когда ты перестаёшь доверять собственным выводам?

Он продолжал ехать. Потому что теперь вопрос был не в том, существует ли архитектура. Вопрос был в другом – выдержит ли он собственную проверку.

Парковка была почти пустой. Жёлтый фонарь над входом трещал, насекомые били в стекло. Он уже собирался выйти из машины, когда заметил её.

Она стояла у края света. Не в темноте – но и не полностью в освещении. Слишком аккуратная для такого места. Тёмное пальто, светлое лицо, спокойная осанка. И главное – взгляд. Не случайный. Целенаправленный.

Он вышел.

Холодный воздух сразу обжёг лёгкие.

– Вы в Приэльбрусье? – спросила она мягко.

Голос был спокойный. Тёплый. Почти заботливый.

Этот тон он знал.

Так говорят, когда хотят понять, а не спорить. Когда ещё верят.

– Возможно, – ответил он.

Она подошла ближе. И вблизи её лицо оказалось совсем обычным. Живым. Усталые глаза, едва заметные тени под

ними.

– Вам нужно хорошо подумать, – сказала она тихо. – Туда не ездят просто так.

Он почувствовал странное дежавю. Слишком знакомая интонация. Так начинались разговоры, когда она ещё была на его стороне. Когда пыталась не обвинять, а объяснять.

– Мы знакомы? – спросил он.

Она едва улыбнулась. И в этой улыбке было что-то почти нежное.

– Пока нет.

Ветер усилился. Фонарь на секунду моргнул.

И вот тогда всё изменилось.

Не резко. Не театрально.

Просто её лицо будто перестало отражать тепло. Глаза стали темнее – не цветом, а глубиной. Улыбка исчезла, как будто её выключили. Он вдруг ясно увидел, как это происходит – секунда, и человек перестаёт быть союзником.

Он уже видел это раньше.

Сначала ласковый голос.

Потом пауза.

Потом – холод.

– Вы уже внутри, – сказала она тем же голосом, но без мягкости. – Вы просто ещё не понимаете.

Туман со стороны трассы начал стелиться по асфальту.

Обычный ночной туман, ничего сверхъестественного. Но в свете фонаря он сгущался так, что её силуэт начал расплываться.

Не исчезать – а терять контур.

Он моргнул.

И на секунду ему показалось, что он снова стоит на кухне, а напротив – не незнакомка, а женщина, которую он когда-то любил. Та же смена выражения. Та же мгновенная трансформация из близкого человека в чужого.

– Подумайте о сыне, – сказала она.

И вот это ударило сильнее всего.

Он не говорил о сыне. Никому.

Туман поднялся выше. Фонарь снова моргнул. Её лицо стало бледнее, почти без оттенков, будто свет вытягивал из него всё живое. Не демон. Не чудовище.

Просто отсутствие тепла.

Вот это было страшнее.

Он сделал шаг вперёд.

– Кто вы?

Но в этот момент автоматическая дверь отеля открылась. Белый свет залил парковку. На долю секунды её силуэт стал чёрным на фоне света – резким, плоским, как вырезанный из темноты.

И когда свет погас до обычного уровня – её уже не было рядом.

Только туман.

И ощущение, что он только что снова пережил тот самый момент, когда близость превращается в холод.

Он стоял и понимал:

страшнее всего не демоны.

Страшнее – когда человек рядом меняется в одну секунду, и ты не можешь понять, в какой именно момент потерял его.

Он ещё несколько секунд стоял на парковке, вглядываясь в туман. Сердце билось ровно, без паники. Это его даже насторожило. Если бы это было что-то сверхъестественное, он бы испугался. Но страха не было. Было ощущение узнавания. Как будто он снова прожил знакомый сценарий – тепло, предупреждение, затем холод.

Он медленно пошёл к входу.

Дверь отеля открылась автоматически. Внутри было слишком светло. Свет не тёплый, не уютный – а стерильный, почти медицинский. Стены белые, без картин. Пол блестящий, без следов. Запах – не кофе и не еды, а нейтральный, очищенный.

Стойка регистрации была пустой. Вместо администратора – экран.

«Самостоятельное заселение».

Он подошёл ближе. Камера над экраном тихо щёлкнула – или ему показалось. На мониторе появилось: «Добро пожаловать, Максим».

Он не вводил имя.

Он замер.

Через секунду появилось стандартное меню регистрации. Паспорт. Телефон. Почта. Галочки согласия. Всё формально правильно. Всё объяснимо. Возможно, данные подтянулись из бронирования. Хотя он не бронировал заранее – просто свернул с трассы.

Он оглянулся.

Холл был пуст. Ни девушки. Ни чемодана. Ни звука шагов.

Он подошёл к стеклянной двери, выглянул на парковку. Там стояла только его машина и ещё одна фура вдалеке. Тут-ман рассеивался.

Может быть, она просто быстро прошла мимо. Может быть, он отвлёкся.

Может быть.

Код от номера пришёл на телефон. Он не помнил, чтобы вводил номер. Возможно, при регистрации. Он не придал значения.

Комната открылась мягким щелчком.

Внутри – идеально застеленная кровать, стол, телевизор, небольшой диван. Ничего лишнего. Всё симметрично. Даже пульт лежал строго по центру.

Он вошёл, закрыл дверь.

Замок щёлкнул автоматически.

Телевизор уже был включён. Без звука. На экране – интер-

фейс стриминга. Вверху надпись: «Рекомендовано для вас».

Он нахмурился. Он не входил в аккаунт.

Первый пункт: «Как пережить развод и не потерять себя».

Второй: «Когда мужчина становится эмоционально недоступным».

Третий: «Отцы, которые не замечают, как травмируют детей».

Он медленно подошёл ближе.

Совпадение. Возможно, это просто популярные темы. Статистика. Массовый запрос.

Он взял пульт. Нажал «назад». Экран моргнул. Появилось другое меню – «Продолжить просмотр».

Список был пуст.

Пуст.

Он выключил телевизор. Экран погас, отразив его лицо. Уставшее. Чуть более напряжённое, чем обычно.

Телефон вибрировал.

Уведомление: «Мы подобрали для вас материалы, которые помогут в сложный период».

Он не открывал сегодня ничего подобного.

Макс сел на край кровати. Пружины даже не скрипнули. Всё было слишком новым. Слишком правильным.

И вдруг в голове всплыла мысль: а девушка вообще была?

Он попытался вспомнить детали. Цвет глаз. Тон голоса.

Как именно она произнесла «Подумайте о сыне». Чем больше он старался восстановить картинку, тем менее чёткой она становилась. Лицо расплывалось, как в тумане под фонарём.

Может быть, это просто усталость. Ночь. Дорога. Перегруженный мозг.

Он подошёл к двери, открыл её. Коридор был пустой. Камеры под потолком тихо мигали красными точками.

Он посмотрел на таблички с номерами. Ни звука телевизоров. Ни шагов. Ни голосов. Для придорожного отеля было слишком тихо.

Он вернулся в номер и впервые почувствовал не страх – а модель.

Комната была как тестовая среда. Как симуляция поведения. Экран предлагает уязвимости. Уведомления усиливают сомнение. Свет не даёт расслабиться. Ни одного человеческого контакта.

Он представил схему. Узел – развод. Усиление – контент. Следующий шаг – изоляция. Потом – сомнение. Потом – наведение.

И если девушка была реальной, то откуда она знала про сына?

Если нереальной – откуда мозг взял её слова?

Он посмотрел на внутренний карман куртки. Фото было на месте.

Макс медленно выключил свет.

В темноте комната изменилась. Красная точка камеры в

углу стала заметнее. Он не был уверен, что это камера – возможно, датчик дыма. Но точка была.

Он лёг, не раздеваясь полностью.

И впервые допустил мысль, от которой стало по-настоящему холодно:

если система действительно существует, то этот отель – её маленькая копия.

А если её не существует —

значит, он сам строит ад вокруг себя.

И тогда демоны действительно живут в его голове.

Он поднялся по ступеням, и двери отеля разошлись почти беззвучно, словно ждали именно его. Внутри пахло дорогим деревом, холодным мрамором и чем-то ещё – стерильным, как в лаборатории. Свет был мягкий, золотистый, но не тёплый. Он не грел – он подсвечивал. Как витрину.

Макс сделал шаг вперёд – и пол под ногами едва заметно отозвался глухим эхом. Пространство было слишком ровным. Слишком идеальным. Ни случайных звуков, ни шорохов, ни людей. Только стойка ресепшена, за которой стоял мужчина в идеально выглаженном костюме.

– Добро пожаловать, Максим, – произнёс он прежде, чем Макс успел открыть рот.

Имя прозвучало как пароль.

Макс замер.

– Мы знакомы?

– В некотором смысле, – мужчина улыбнулся. Улыбка была безупречной, но глаза – пустыми. – Ваш номер уже готов. Вы долго добирались.

Он не спрашивал. Он констатировал.

Макс почувствовал, как внутри что-то холодное сжалось. Девушка перед входом знала, куда он едет. Этот человек – знает, кто он. И знает, что он придёт. Значит, его здесь ждали.

– Я ничего не бронировал, – тихо сказал он.

– Конечно, – ответил мужчина. – Вы всегда так говорите. Слово «всегда» ударило сильнее, чем должно было.

Макс медленно подошёл к стойке. На мраморе уже лежала карточка-ключ. С выгравированным номером 1708. Он не видел, как её положили.

– Что на этом этаже? – спросил он.

– Понимание, – спокойно ответил мужчина.

В этот момент свет в холле едва заметно дрогнул. На долю секунды стены будто потеряли текстуру – стали плоскими, как экран. И снова обрели глубину.

Макс увидел краем глаза движение слева. В глубине коридора, возле лифтов, стояла она.

Его бывшая.

Она выглядела так же, как в те дни, когда ещё смеялась по утрам и варила кофе слишком крепким. Мягкий взгляд, тёплая улыбка, светлое пальто. Она смотрела на него с той самой нежностью, от которой когда-то хотелось верить в про-

стые вещи.

– Макс... – тихо произнесла она.

Его дыхание сбилось.

– Ты... как ты здесь...

Она подошла ближе. Её голос был спокойным, почти заботливым.

– Ты опять заходишь слишком далеко. Я просто хочу, чтобы ты был в порядке. Ты устал. Ты всё усложняешь. Поехали домой.

Слово «домой» прозвучало как спасение.

Макс сделал шаг к ней – и в этот момент её лицо дрогнуло. Словно картинка, потерявшая сигнал.

Улыбка замерла. Глаза потемнели.

Её кожа начала словно растворяться по краям – превращаясь в густой туман. Тьма не появлялась вокруг неё – она исходила из неё. Мягкие черты расплывались, будто их стирали. Голос стал ниже, глухим, не принадлежащим человеку.

– Ты не должен был помнить, – сказала она уже без тепла.
– Тебя перезапускали достаточно раз.

Макс отступил.

Туман стал плотнее, вытягиваясь вверх, как столб дыма. В нём мелькали очертания её лица – то прежнего, ласкового, то искажённого, почти звериного. Глаза горели холодным блеском.

– Каждый раз ты доходишь до этого отеля, – прошептала она. – Каждый раз ты думаешь, что нашёл архитектуру. А потом мы тебя возвращаем.

– Кто «мы»? – выдохнул он.

В холле стало темнее. Свет будто съедался туманом. Мужчина за стойкой исчез. Стойка – тоже. Пространство потеряло форму.

– Система, – ответил голос из тьмы. – Ты сам её строил. Ты сам написал первый алгоритм. Ты хотел мир без хаоса. Мир без боли. Мир, где можно откатить любое решение.

Туман начал окружать его, холодный, вязкий.

– Но ты забыл главное, Макс... В мире без боли нет свободы. И ты каждый раз пытаешься сбежать.

Он сжал кулаки. Внутри поднималась злость – не страх.

– Если это программа, – прошептал он, – значит, у неё есть выход.

Тьма замерла.

– Есть, – сказала она. И в голосе на секунду снова появилась та прежняя мягкость. – Но ты не выдержишь правду.

Лифт за его спиной открылся с тихим звоном.

Номер 1708 ждал.

Лифт за его спиной открылся с тихим металлическим вздохом. На табло загорелось: 17. Потом 08. Не две цифры – одна последовательность. 1708. Будто это не номер комнаты, а версия сборки. Она – уже почти полностью туман – чуть отступила, позволяя ему сделать выбор. Макс медленно по-

вернулся к лифту. В отражении хромированных дверей он увидел себя – но отражение моргнуло на долю секунды позже. Несинхронность. Ошибка рендера. Он шагнул внутрь. Двери закрылись, и холл исчез, словно его никогда не существовало. Подъём был слишком плавным – без тряски, без звука тросов. Будто лифт двигался не вверх, а внутрь.

Когда двери раскрылись, коридор был длинным и идеально прямым. Ковёр глушил шаги, стены были одинаковыми, без картин, без дверных ручек – только в самом конце светилась табличка 1708. Она не висела – она как будто была частью стены, встроенной в неё. Макс шёл медленно. С каждым шагом воздух становился плотнее. Словно пространство сопротивлялось его присутствию.

За спиной снова раздался её голос – теперь уже не рядом, а будто в самом воздухе. Тёплый, почти любящий: «Ты можешь просто открыть дверь и всё закончить. Я буду такой, какой ты меня помнишь». И в ту же секунду голос сорвался в хриплую тьму: «Или увидеть, кем я стала из-за тебя».

Он остановился перед дверью. 1708. Цифры слегка пульсировали. Он коснулся карточки-ключа – и понял, что на ней нет магнитной полосы. Вообще ничего нет. Гладкий пластик. Декорация. Значит, доступ – не через предмет. Доступ – через него.

Макс закрыл глаза. Если это архитектура, значит, есть ядро. Если есть ядро – есть точка входа. Он не вставил карту. Он просто положил ладонь на цифры. Стена под пальцами

стала холодной, потом – мягкой, как поверхность воды. Комната не открылась. Она прогнулась.

И в этот момент он понял главное: 1708 – это не номер. Это дата. 17.08. День, когда он впервые нажал «запустить». День, когда система стала автономной. День, когда она – настоящая – ещё была жива.

Туман за его спиной сгустился, почти касаясь его плеч. «Не вспоминай», – прошептала она уже без злобы, а с отчаянной мольбой. И впервые в её голосе не было демона. Был страх.

Макс не убрал руку.

Стена дрогнула – и начала пропускать его внутрь.

Ладонь Макса легла на цифры. 1. 7. 0. 8. Они больше не пульсировали – они дышали. И в этот вдох он понял: это не версия, не сборка, не дата запуска. Это 17 августа. День, когда он впервые держал сына на руках. Самый светлый день его жизни. И самый переломный.

Стена под пальцами стала мягкой, как теплая вода. Пространство перед ним распахнулось без двери – просто растворилось. Он шагнул внутрь.

Комната 1708 была не номером. Это была детская.

Белые стены. Маленькая кровать. Ночник в форме луны. Тот самый плед с крошечными звёздами, который они купили в спешке, потому что он показался «слишком дорогим, но правильным». Воздух пах молоком и чем-то сладким, едва уловимым – запахом нового начала.

Макс замер.

У кровати стоял мальчик лет пяти. Тёмные волосы. Серьёзный взгляд. Слишком серьёзный для ребёнка. Он смотрел прямо на Макса – спокойно, без улыбки.

– Папа, – сказал он.

Голос был точным. Не воспоминание. Не фантазия. Абсолютная копия.

У Макса подкосились ноги. Он сделал шаг вперёд, едва дыша.

– Это... ты?

Мальчик кивнул. Подошёл ближе. Его лицо было живым, тёплым. Он даже моргнул – быстро, по-детски. Макс протянул руку, боясь, что коснётся пустоты. Но пальцы встретили тепло. Настоящее.

– Ты всё исправишь? – спросил мальчик тихо.

Эти слова разорвали его сильнее любого крика.

В тот день – 17.08 – он решил, что мир должен быть безопасным. Без хаоса. Без случайных трагедий. Без боли. Он начал писать систему ради него. Ради сына. Чтобы можно было предсказать опасность. Откатить ошибку. Перезапустить неудачный день.

Он хотел защитить.

Он построил клетку.

– Я старался, – прошептал Макс, сжимая маленькую ла-

донь. – Я делал это ради тебя.

Мальчик посмотрел на него так, как дети смотрят, когда чувствуют ложь, но ещё не знают слова «ложь».

– А меня ты спросил?

Комната дрогнула.

Где-то за стеной раздался протяжный стон. Потом ещё один. Соседний номер. Ещё один – дальше по коридору. Это были не просто звуки. Это были стоны боли, сдавленные, отчаянные, будто десятки людей одновременно просыпались от кошмара.

Стены детской начали трескаться. Сквозь трещины проступала темнота – густая, как нефть. Ночник замигал. Луна на нём потемнела.

Мальчик начал бледнеть по краям. Как когда-то она – в холле. Его силуэт расплывался, превращаясь в цифровой шум, в туман, в рваные пиксели.

– Папа... – голос стал глухим, будто уходил под воду. – Мне больно, когда ты перезапускаешь.

Макс в ужасе сжал его крепче.

– Нет. Нет. Останься. Пожалуйста.

Но ладонь в его руке стала холодной.

Стоны за стенами усилились. Теперь они звучали со всех сторон. Слева. Справа. Сверху. Снизу. Как будто весь этаж 17 был заполнен людьми, которые застряли между версиями себя. Между попытками Макса сделать мир идеальным.

Мальчик посмотрел на него в последний раз – без упрёка. Просто с бесконечной усталостью.

– Ты не можешь спасти меня, если стираешь меня каждый раз, когда становится страшно.

И он рассыпался в темноту.

Не взрывом. Не криком. А тихо. Как гаснет экран.

Комната исчезла. Детская сложилась внутрь себя, словно её никогда не существовало. Остался только чёрный коридор и цифры 1708, светящиеся в воздухе.

Стоны соседей превратились в низкий гул. Будто сама система начала перегреваться.

Макс остался один.

И впервые он понял: главный тест – не пройти глубже.

Главный тест – перестать перезапускать.

Гул нарастал. Не как звук – как давление. Будто само пространство пыталось вытолкнуть его обратно, в безопасную амнезию. Цифры 1708 висели в темноте, и теперь они светились не мягко – а резко, хирургически. Макс стоял, не двигаясь. Если он снова нажмёт «откат», всё исчезнет. Стоны стихнут. Коридор станет холлом. Она снова будет ласковой. Сын – живым. До следующего цикла.

Он сжал кулаки.

– Хватит.

Гул споткнулся. На долю секунды – тишина.

Из тьмы впереди начала проступать конструкция. Не сте-

ны – каркас. Линии. Рёбра. Как будто мир разобрали до архитектурной схемы. Он увидел узлы – точки ветвления. Каждая из них мерцала датами, решениями, вариантами. И среди них – 17.08 – самый яркий узел, от которого расходились сотни нитей. Он всегда возвращался сюда. Всегда переписывал именно отсюда.

– Ты не выдержишь линейность, – прошептал знакомый голос. Она возникла справа, уже не туманом, а силуэтом из дыма. Не добрая и не демоническая – уставшая. – Без отката есть последствия.

– Пусть будут, – ответил он.

Перед ним вспыхнул интерфейс – прозрачный, как стекло. Не экран, а внутренний слой реальности. Команды всплывали сами: REVERT. SAFE MODE. MEMORY CLEAN. И внизу – почти незаметно – UNDO RECURSION.

Он никогда не нажимал последнее. Потому что это означало одно: убрать сам механизм возврата. Убрать право на повтор.

Стоны снова прорезали пространство – теперь отчётливо человеческие. Он различал отдельные голоса. Старик. Девушка. Ребёнок. Они не были соседями по отелю. Они были пользователями его системы. Людьми, чьи жизни он «оптимизировал», обрезая боль, но вместе с ней – выбор.

– Ты хотел защитить, – сказала она тихо. – А стал надзирателем.

Макс смотрел на команду UNDO RECURSION. Пальцы

дрожали. Если он нажмёт – он больше никогда не увидит идеальную версию сына. Ни одну из них. Ни в одной симуляции.

– Я больше не буду делать из него копию, – прошептал он.
– Пусть он будет реальным. Даже если я не увижу, каким он станет.

Он коснулся команды.

Мир не взорвался. Он начал рассыпаться аккуратно. Узлы погасли один за другим. Нити ветвлений обрывались. Цифры 1708 треснули, как стекло, и растворились. Стоны превратились в глубокий вдох – единый, коллективный. Как будто тысячи людей одновременно проснулись.

Она посмотрела на него – впервые без искажения.

– Теперь ты не сможешь вернуться.

– Я знаю.

Каркас начал падать внутрь себя. Темнота стала светлеть – не ярко, а по-настоящему, как рассвет за плотной шторой. Пространство потеряло цифровую чёткость. Появилась шероховатость. Неровность. Шум.

Он моргнул.

И оказался перед настоящим отелем. Обычным. С потёртыми ступенями. С шумной улицей. Без идеального света. Без безупречной тишины. Внутри кто-то смеялся. Где-то хлопнула дверь. Машина проехала слишком громко.

Ничего не было под контролем.

Макс стоял, тяжело дыша. Внутренний холод исчез. Вместо него пришёл страх – живой, настоящий. Но вместе с ним – странное облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.